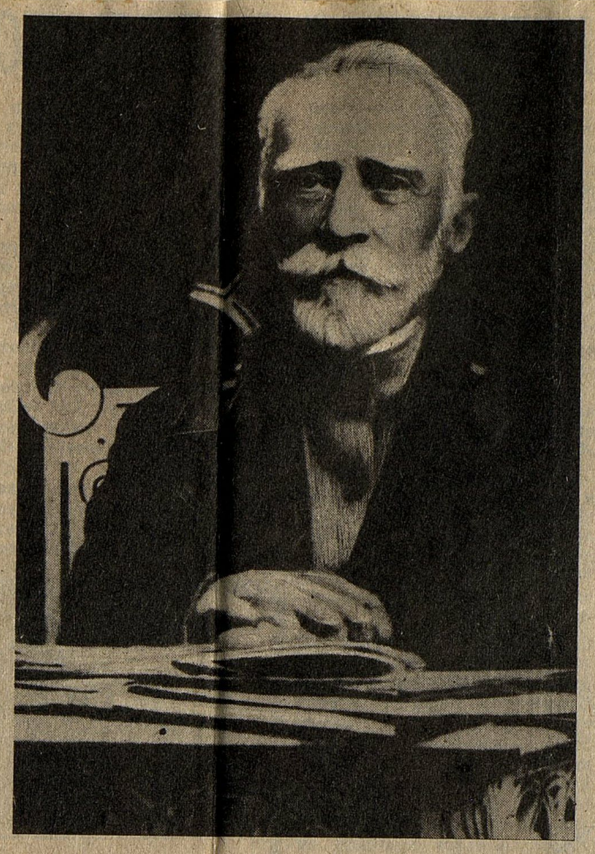
«ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ»
15 октября 1982 года

# С ЛЮБОВЬЮ К ЧЕЛОВЕКУ

К 120-летию со дня рождения Давида Клдиашвили



Грузинский народ отмечает юбилей выдающегося писателя, одного из крупнейших мастеров грузинской художественной прозы — Давида Клдиашвили, яркое и своеобразное творчество которого занимает особое место в нашей литературе:

«Если писатель не связан с жизнью, он не существует для меня. Подобно хвастливому дворянину, он лжет и пыжится, не любит человека, не думает о лучшей доле человека. А на одной ненависти далеко не уедешь. Пройдет время, исчезнут литературные школы, а из написанного останется то, что согрето любовью к человеку». — Так писал Д. Клдиашвили о назначении писателя.

Давид Самсонович Клдиашвили родился в 1862 году в селе Симонети, в семье мелкопоместного дворянина. Учился сначала в кутаисской, потом в киевской военной гимназии, затем в Московском военном училище. Творческая биография писателя сложилась на рубеже XIX и XX веков.

Восторженно встретил Д. Клдиашвили победу социалистической революции в Грузии, считая это событие осуществлением своих мечтаний, залогом возрождения и процветания родной страны.

В 1930 году грузинская советская общественность отметила сорокалетие литературно - общественной деятельности великого писателя. Юбилей вылился в подлинное народное торжество. Давиду Клдиашвили первому из деятелей грузинской литературы было присвоено звание народного писателя Грузии.

Юбилейные торжества состоятся 16—17 октября на родине писателя, в Тержольском районе.

**«Все, что я писал, писал из любви к человеку».**

**Д. КЛДИАШВИЛИ.**

## ГУМАНИЗМ ПИСАТЕЛЯ

В ПРЕДИСЛОВИИ к своим мемуарам в 1925 году Давид Клдиашвили писал: «Может быть, какой-нибудь исследователь картин нашей жизни прошлой в этих строках найдет выгодный ему материал. Если это случится, то их создание будет оправданным, а автор очень довольным. Этот труд посвящаю памяти тех, кто мое сердце согревал любовью, научил меня уважать и доверять человеку. В коротких мемуарах ничего не приукрашивается. Будет только правда, которой непреклонно служил я в продолжение моей писательской деятельности»...

И в самом деле, много было людей на жизненном пути писателя, которые теплотой своего сердца помогали ему. Среди них нужно назвать прозаика Нико Ломоури, которого Д. Клдиашвили всегда вспоминал с уважением и почтением. Д. Клдиашвили с детства учился в Киевской военной гимназии, где он совершенно забыл родной язык. Познакомившись с ним, Н. Ломоури, ученик старших курсов Киевской духовной академии, начал заниматься с ним грузинским языком. В 1915 году, после смерти Н. Ломоури, находясь на турецком фронте, Д. Клдиашвили писал супруге покойного: «Сойдя с гор Аджарии, узнал о смерти милого, бесценного Нико, моего ангела - хранителя в дни юности на чужбине и благодетельного направителя моей жизни...».

Первое произведение за подписью Д. Клдиашвили появилось в 1885 году в журнале «Театри», выходившем под редакцией прославленного артиста Васо Абашидзе, а последними были мемуары, печатавшиеся в 1925 — 1926 годах.

Д. Клдиашвили принадлежал к литературной школе И. Чавчавадзе и ставил перед собой серьезную задачу — отражать жизнь своего народа в эпоху роста революционного сознания народных масс, эпоху революции 1905 года и в последующие годы. В насыщенную поэзией грузинскую литературу он пришел с рассказами о быте людей, о личности, находящейся в тисках буржуазных отношений. Обо всем он говорил с чувством большой любви и уважения к человеку. Тему, предложенную И. Чавчавадзе в рассказе «Человек ли он?», — неприемлемость для определенной категории представителей т. н. «высшего сословия» заниматься трудом, пусть даже для сохранения своего физического существования, Д. Клдиашвили сделал для себя ведущей. Основная ситуация произведений этого цикла одинакова. Будь это рассказ «Соломан Морбеладзе» или «Мачеха Саманишвили», «Невзгоды семьи Камушадзе» или «Ростом Манвеладзе», Д. Клдиашвили на передний план выдвигает проблему экономического упадка дворянства, только внешне сохраняющего «сословный блеск». Соломан Морбеладзе на своей исхудалой лошади разъезжает по деревням, занимаясь сватовством. Со слезами на глазах выпрашивает он гонорар за труды у клиента, который старается провести посредника.

Очень часто «осенние дворяне» становятся в смешное положение. Смешно, что Платон Саманишвили пустился на поиски женщины, которая два раза была замужем, и ни от одного мужа детей не имела. Именно такую ищет по имеретинским деревням Платон для своего уже не молодого, но еще сохранившего силу отца, который после смерти жены вознамерился жениться. Женщина-то нашлась, но ожидания Платона не оправдались. В третьем замужестве она родила мальчика. Смешно! Да, но за этой смешной историей, вырисовывается трагическая действительность! После рождения мальчика Платон отделился от отца, который не вынес этого и вскоре умер. А мачеху Саманишвили с ее мальчиком часто можно было встретить у входа в разные присутственные места, куда она ходила с просьбой отобрать у Платона их часть наследства. Малоземельное дворянство терпит экономический крах, а за ситуациями, порою комическими, стоят люди, замученные жизнью. Автор с болью в душе рассказывает о людях, в поисках богатства растерявших человеческое достоинство.

Однажды Давиду Клдиашвили заявили, что он смеется над своими персонажами, нарочно ставит их в смешное положение. Взволнованный писатель гневно возразил: «Нет, нет, никогда я не смеялся над несчастьем человека. Я их жалел, жалел от чистого сердца!». И в самом деле, берясь за перо, он стремился пробудить в читателе сострадание.

Грузинская деревня представлялась писателю в тисках темноты, невежества, гнетущего социального и политического строя. Писатель видел внутренние конфликты, движения человеческой души, интересовался человеком, как продуктом общественных отношений. По наблюдению профессора Гр. Кикнадзе, раскрывая психологию простого крестьянина, писатель прослеживает, как постепенно растет недоверие крестьян к божьей справедливости, к самому факту существования бога. Так, например, персонаж рассказа «Проклятие» Кациа Сагунашвили говорит во всеуслышанье при священнике о святом Георгии: «А он разве понимает что-нибудь? Я был собакой, что ли, что он не внемлил моим молитвам?».

Старой деревне, ее суеверным обитателям, консервативному быту посвятил Д. Клдиашвили рассказы «Жертва» и «Микела». Его перо характеризуют глубокое проникновение в характеры персонажей (и их прототипов), доскональное знание быта старой деревни, непримиримость к бесправию и гнету.

Тяжелое положение крестьянства порождает сухость и грубость в отношениях между людьми, угрожает деградацией их моральным принципам.

Микела (рассказ «Микела») за короткое время похоронил трех сыновей и внука. Состояние души человека, потерявшего всех, за исключением маленького внука, Д. Клдиашвили описал с глубоким психологизмом и знанием движения души человеческой — велико в ней желание во что бы то ни стало сохранить наследника, продолжателя своего рода.

Тускла жизнь крестьян, но искорка надежды не гаснет, она жива, род сохранится, будет кому вспоминать предков. Писатель показывает еле видимый луч надежды, к которому так безудержно стремится Микела.

В рассказе «Утешение матери» Д. Клдиашвили описал душевное состояние женщины - матери, отдавшей жизнь единственного сына народному освобождению. Борьба в материнской душе между любовью к сыну и чувством гордости за сына - революционера описана писателем лаконично и глубоко, так же, как обновление души матери революционера, которая, после смерти сына, будет жить в ожидании воплощения дорогих ему идей.

Пьесы Д. Клдиашвили «Счастье Ирины», «Невзгоды Дариспана», «Несчастье» всегда были украшением грузинского театра. Тематически драматургические произведения писателя сходны с его рассказами. И в драматургии Д. Клдиашвили оставался верным тем творческим принципам, о которых говорил: «Действительность, которой я служил неотступно в продолжение творческой деятельности, была моим писательским кредо».

Обладатель живого, сочного разговорного языка, писатель, использовав верхнеимеретинский говор, создавал колоритные образы и ситуации, за которыми стояли актуальные общечеловеческие проблемы. Правдивость творчества, высокий гуманизм и искреннее служение искусству слова делают произведения писателя бессмертными. Они понятны не только там, где создавались, а везде, потому что в основе их — любовь к человеку. Эта любовь и есть основная движущая сила творчества Давида Клдиашвили.

**Соломон ХУЦИШВИЛИ,**
**профессор ТГУ.**

## Я ВИЖУ ЕГО ТАКИМ

ЛИСТОПАД осенних дворян. Грустные, опавшие листья изо всех сил доказывающие: мы — деревья. Вспомним истории, которые приключились с Дариспаном Карсидзе и его дочерью, Галактионом Хосолиани, Платоном Саманишвили и другими. Герои Давида Клдиашвили стараются выжить, непрерывно от кого-то отбиваются, чаще всего от обстоятельств, неловко переходят в наступление, скрывают истинные мысли. А что же им делать? Как жить? — спрашивает Давид Клдиашвили, — Как просуществовать человеку в условиях уродливых социальных взаимоотношений, в условиях засилия должностных лиц, где все продается, где рука руку моет, и уже никто не верит в честность и справедливость? Люди перестали доверять друг другу. Жизнь родила безнадежность, растерянность — кто-то неудачно жульничает, кто-то призывает к терпению, кто-то изо всех сил старается выкарабкаться на свет божий и над всей этой беспросветностью — двуглавый орел со скипетром в когтистых лапах. На дворе осень — бездорожье.

Я рассматриваю мою любимую фотографию писателя: небольшого роста, в военной форме, симпатичное, ласковое лицо, какой-то удивительно душевный взгляд. Чем-то он напоминает Чехова — и на портрете и на страницах своих произведений. Но у Давида Клдиашвили не тоска о лучшей жизни, а беспокойство о людях, среди которых он живет. Он беспокоится о них, но рассказывает о самом тяжелом и почти безвыходном с каким-то неповторимым, едва заметным юмором. Как-то писатель сказал: «Я никого не высмеивал, а использовал юмор только лишь как литературный прием, чтобы посредством его как можно более живо и ясно нарисовать картину тяжелой жизни моей страны. Я видел невзгоды моего народа, страдал от этого и с болью в сердце писал». Как хорошо и точно сказано!

Настоящее и естественное в искусстве никогда не стареет. Пьесы и повести Давида Клдиашвили, написанные почти девяносто лет назад, вдруг вновь заинтересовали театры и зрителя. Давно умерший писатель взволновал нас, его правнуков, своей честностью, гражданственностью, объективностью и, что самое главное, художественной правдой и высочайшим мастерством. Давид Клдиашвили и сегодня как будто живет среди нас, улыбающийся и участливый к нашим бедам, невзгодам и радостям. А какие у него изумительные диалоги! Как будто их никто и не придумывал, — автор просто подслушивал, запоминал и переносил на бумагу. Ни одного бутафорского слова. Так всегда кажется, когда мы встречаемся с настоящим высоким искусством. Все просто просто, а попытаешься повторить, и оказывается, что так просто — очень трудно!

Перечитывая Давида Клдиашвили, я забываю о том, как это сделано, думаю и переживаю только то, что описано. Клдиашвили неповторим. У него своя палитра красок и свой способ изображения. Давид Клдиашвили — это особый мир, населенный интереснейшими людьми. Я очень люблю этого писателя, много раз с огромным увлечением работал над его произведениями, считаю его одним из выдающихся художников нашего времени.

Впервые на телевидении поставил «Невзгоды Дариспана». В этом спектакле прекрасно играли — Тина Чарквиани, Медея Джапаридзе, Елена Кипшидзе и Серго Закариадзе. Во всяком случае мне так кажется сегодня. Ставил пьесу «Несчастье» на телевидении и со студентами, инсценировки повестей «Жертва» и «Свиньи Бакулы». Ставил комедии, а получились ужасно грустные истории. Плетень, на плетне кувшин и лошадиный череп, за плетнем люди — переживают, сердятся, ругаются из-за голодных, худых и нахальных свиней. Как будто бы и веселые люди собрались, шутят, комплименты друг другу говорят, сами над собой подшучивают, а больно за них. В них какая-то беззащитность. Негде им найти правду, некому их уберечь от произвола. Свои очаровательные маленькие пьесы Давид Клдиашвили называет «Картинами из деревенской жизни», и, вероятно, в этом тоже его неповторимость.

Давид Клдиашвили — уникальное явление, редкостный художник.

**Михаил ТУМАНИШВИЛИ,**
**народный артист СССР.**

## ЭКРАННАЯ ЖИЗНЬ ГЕРОЕВ

ЕЩЕ НА заре грузинского кинематографа, когда Котэ Марджанишвили был занят съемками фильма «Перед бурей», на сцене театра имени Шота Руставели осуществляется инсценировка повести Давида Клдиашвили «Мачеха Саманишвили». Спектакль этот, поставленный под руководством Марджанишвили режиссером А. Пагава, продолжал реалистическо-бытовую линию, начатую постановкой «Затмения солнца в Грузии» З. Антонова. Высоко оценивая значение творчества Клдиашвили, Марджанишвили загорается желанием перенести грустный юмор Клдиашвили, его «смех сквозь слезы» на экран, дать новую жизнь его произведению в том же актерском составе, но средствами другого, продолжающего его привлекать искусства. Так рождается второй марджановский фильм — «Мачеха Саманишвили».

Отсутствие звука не позволило художнику добиться на экране той же впечатляющей силы сочетания всех используемых им на театральной сцене компонентов. Но режиссер понял сущность специфики кино, и поэтому особое значение в его творчестве кинорежиссера имеет крупный план и деталь. В «Мачехе Саманишвили» точно и умело найденные детали создают атмосферу реальной жизни. Первый кадр фильма: развалившийся забор, продырявленная лестница, облупившаяся черепица крыши, потрескавшиеся стены, старенькая тахта, такой же стол — так создается яркая и полная картина быта «осенних дворян», которые постепенно уходят из жизни, теснимые и гонимые городом, новым, наступающим классом — классом «Порфирия Биашвили». Во внешней характеристике героев Марджанишвили избирает путь гиперболизации. Немой экран не в силах передать речь персонажей, а сочный колоритный их говор—один из главных способов раскрытия характеров у Клдиашвили. Подчеркнутость в гриме и костюме — живописная компенсация отсутствующего ярко характерного диалога. Бытовой реализм Клдиашвили, его грустно - комическая летопись сельского обнищания на экране оказались переданными путем гротеска и сатиры. Степень подробности в обрисовке обстановки, крупный план, приближающий героя к зрителю, жесткие сатирические детали, дающие возможность пристального наблюдения за героями, за их душевным состоянием, — то, что полно обрисовано в прозе Клдиашвили, оказалось доступным и кино. Марджанишвили добился главного — острота внешней характеристики героев, обстановки, комизм ситуации, несмотря на беспощадную сатиру, обнажает трагическую сторону существования целого класса грузинского общества. Персонажи смешны и ничтожны и, в то же время, вызывают жалость и симпатию. В этой смеси иронии и симпатии, драматического и комического — сущность творчества Клдиашвили.

Пройдет почти полвека, и грузинский кинематограф опять обратится к этой повести Давида Клдиашвили, но время и условия внесут свои коррективы в прочтение грузинской классики. В 1978 году выйдет на экраны одноименный фильм Эльдара Шенгелая, но до этого Шенгелая соприкоснется с творчеством писателя, работая над короткометражной лентой «Микела». Режиссер затрагивает волнующую писателя проблему человеческой непросвещенности, ограниченности, перерастающей в «Микеле» в человеческую драму, драму личности, желающей добра, но вследствие фанатизма неосознанно совершающей зло. Фильм обнажает трагедию непросвещенности, невежества, следствием чего в конечном счете оказывается гибель, истребление, смерть. В каком бы веке или стране ни жил человек, недалекость, узость и непросвещенность могут обернуться трагедией — подчеркивая данную мысль, режиссер приближает грузинскую классику 19-го века к нашим дням.

Путь размышляющего, вдумчивого кинематографа продолжен в фильме «Мачеха Саманишвили». Та же строгая стилистика, что и в «Микеле»; после «Необыкновенной выставки» и «Чудаков» Э. Шенгелая опять возвращается к четким композициям, акцентировке портретной характеристики, дабы проникнуть во внутренний смешанный, запутанный мир персонажей. Уже нет бравурной красочности «Чудаков», нет атмосферы их романтических порывов. Все сосредоточено на драматичности сюжета, где к финалу трагизм до конца уже вытесняет юмор и легкость прозы, тяжелый, изнуряющий быт до самого последнего дыхания озлобляет Платона, делает его вконец духовно искалеченным и ожесточенным. Жизнь разломала, разрушила людей, стерла взаимосострадание, в них не осталось искорки духовного начала, все низводится до проблемы куска хлеба и клочка земли.

В совсем ином ракурсе раскрывается на экране мир клдиашвилевских героев в фильме Гелы Канделаки «Происшествие» (по повести «Несчастье»). Здесь сохранена клдиашвилевская любовь и сострадание к людям, его проникновение в душу и сердце своих героев.

В 1977 году молодой режиссер Бидзина Рачвелишвили по рассказу «Свиньи Бакулы» снял короткометражный одноименный фильм, вошедший в киноальманах «Поди-ка, разберись». Здесь режиссер достоверно создал на экране убогую картину сельского быта, показал тупость уездного начальства, полное равнодушие органов правосудия к интересам людей. Давая точные характеристики, меткие психологические зарисовки персонажей, режиссер, тем самым, создал картину людских нравов, вернее — картину безнравственности, когда ради лишнего дарового куска хлеба люди теряют все человеческое и превращаются в животнообразных, в «свиней Бакулы».

Был еще фильм Мераба Кокочашвили и Отара Абесадзе «От двора ко двору» — одна из ранних экранизаций проникновенной, грустной, человечной, поразительно глубокой и вечно живой прозы Давида Клдиашвили, которая была и есть достояние грузинской нации и которая ждет будущих свершений на грузинском экране.

**Татьяна ТВАЛЧРЕЛИДЗЕ.**

## Дар сочувствия

Сценическая жизнь произведений Д. Клдиашвили длится уже немало десятилетий. Но именно в последние годы грузинский театр стал как бы заново открывать его творчество. Как драматургия, так и проза этого выдающегося писателя стали материалом для внедрения на сцену новой, более современной эстетики. Застрельщиком здесь, очевидно, следует назвать М. Туманишвили. Поставленный им на Малой сцене руставелевского театра «Вечер поэзии», основной частью которого были «Невзгоды Дариспана», стал одним из первых опытов использования отдельных элементов «эпического театра» Б. Брехта.

«Мачеха Саманишвили» — совместная постановка Р. Стуруа и Т. Чхеидзе — стала одним из первых спектаклей грузинского театра, получивших широчайшее признание не только у нас в стране, но и за рубежом. Высокие оценки специалистов и зрителей получила работа Тбилисского грузинского ТЮЗа «Невзгоды Камушадзе», покорившая и московскую аудиторию. Так в чем же современность клдиашвилевского наследия, без которой, естественно, оно не приобрело бы столь большую популярность на сцене, а также в кино и на телеэкране. О своем соприкосновении с произведениями Д. Клдиашвили рассказывает **Шалва Гацерелия**, главный режиссер Тбилисского грузинского ТЮЗа, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР.

— Поставленный в 1974 году спектакль «Невзгоды Камушадзе» стал моей первой встречей с Д. Клдиашвили. Затем, в 1974—1976 годах, мною были поставлены телеспектакли «Свиньи Бакулы» и «Счастье Ирины». И вот сейчас я вновь вернулся к «Счастью Ирины», осуществив постановку этой пьесы на сцене нашего театра. Почему я раз за разом обращаюсь к его творчеству? Я считаю Давида Клдиашвили великим писателем, в произведениях которого поднимается тема вечная. Он обладает огромным даром сочувствия к людям. Старая истина: «Возлюби ближнего своего» отнюдь не утеряла своего значения, и она находит достойное воплощение у Д. Клдиашвили. Один из его главных мотивов — человеческая разобщенность, очень часто — разобщенность людей с высокими духовными качествами, которые могли бы найти друг друга, Разве это не современно, не актуально?! Разве не современна тема погони за материальными благами, морально калечащей людей?

Я считаю, что произведения каждого выдающегося писателя драматургичны. Не только драматургия, но и проза Давида Клдиашвили действенны, в них заложена внутренняя сценичность. И это сочетание высоких гуманистических идей, актуальности проблематики и драматургичности прозы, очевидно, и определило столь большую популярность Клдиашвили в театре и на экране.